18+

Галина Сафонова-Пирус

Твой образ...

Галина Сафонова-Пирус

Твой образ блистающий. Дневник Белы

«Издательские решения»

Сафонова-Пирус Г.

Твой образ блистающий. Дневник Белы / Г. Сафонова-Пирус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553198-8

Повесть написана по запискам режиссера ТВ, которая, выйдя замуж, отдала их мне, сказав: «Оставить их у себя не могу, поэтому делай с ними, что хочешь». И вот, спустя годы, я решилась их «обнародовать». Конечно, основной текст — из дневников Белы, но переписанных мною и дополненных домыслами. Действие повести — конец 80-х годов прошлого века.

ISBN 978-5-00-553198-8

© Сафонова-Пирус Г.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 21

Твой образ блистающий
Дневник Белы

Галина Сафонова-Пирус

© Галина Сафонова-Пирус, 2023

ISBN 978-5-0055-3198-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Героиня повести – моя коллега, проработавшая рядом со мной вторым режиссером почти шесть лет. Её мировосприятие во многом было мне близким и когда она снова вышла замуж и уехала в Польшу, то я почувствовала себя одинокой. А перед отъездом оставила она мне свои дневниковые записки со словами: «Возьми… В них много такого, о чем тебе не говорила, а теперь узнаешь. С собою мне их брать нельзя, вдруг муж найдет, что тогда? Ведь такой подруги, как ты, у меня больше не будет, так что бери и делай с ними, что хочешь». И вот, выждав «срок давности», решилась я «обнародовать» её записки о поре её увлеченности журналистом, с которым работала. Конечно, основной текст моей повести будет из дневников Белы, переписанных мною по-своему (сохранены лишь содержания эпизодов), но есть еще и мои реплики к ним, воспоминания и раздумья (курсивом), и вполне возможно, что эти «ремарки» не совсем то, о чём думала моя героиня в той или иной ситуации, но так ведь автору позволительны домыслы.

Действие повести – конец 80-х годов прошлого века.

(Одна из записей Белы):

«Наконец-то закончила набирать на компьютере свои дневниковые записи! Глаза устали… Итак, какое сегодня число? Тринадцатое. А начала набирать… Раз, два, три, четыре… Опять тринадцать? Да что ж это такое! Прямо мистика какая-то, как тогда… Ну да, вот та запись:

«Он идёт по коридору мне навстречу, но останавливается:

– Бела Эмильевна, – смотрит отчуждённо: – Надо отвезти в театр костюмы, которые мы брали для передачи, но ассистенты в отгулах, так что придётся Вам…

А раньше сделал бы это сам! Но накануне, при записи передачи, снова были мы с ним «в конфронтации», и вот… Смотрит, не отводит глаз и в них вроде бы вопрос: «Не обиделись?» Подумаешь! С какой стати? И киваю головой, проплываю мимо. А чуть позже вошел в кабинет:

– Отметить надо, где я в кадре буду.

Диктую и смотрю в глаза (Вы для меня сегодня, как и все.)

– Да, вот еще что. Лев Ильич, сделайте начитку[1]* афоризмов для «Прожектора».

– Сделаю, – и взглянул (Жаль, что «как все»).

– И прохронометрируйте их, пожалуйста.

– Хорошо.

А в одиннадцать началась у нас с ним долгая запись журнала… аж до четырех. И был терпелив, сдержан, – не перечил. Что с ним? Когда кончили и я еще сидела за пультом, прислал

[1] Начитка – записанный текст для монтажа сюжета.

ассистентом записку с хронометражем афоризмов: «Первый – девять минут, второй – тринадцать, третий – пятнадцать, четвертый – тринадцать.» И в скобках: «Как раз – о нашем случае.»

И этот «случай» начался меж ними с того самого дня, когда после отпуска Бела пришла на работу и в графике увидела: будет делать передачу с новым журналистом Соминым… Но вначале набросаю хотя бы «карандашный» портрет Белы (А разноцветная палитра масляных красок, надеюсь, появится потом, когда перед читателем замелькают странички из её записей.) Красива ли была моя героиня? Да нет. Но такие лица в толпе заметишь сразу, – есть в них какая-то ежесекундно меняющаяся и чарующая прелесть! То же металось и в её глазах, а когда Бела задумывалась о чем-либо, то в них появлялась такая бездонность, что иной раз думалось: ну, зачем этой симпатичной женщине погружаться в такой глубинный омут?.. жила бы себе легко, скользя по поверхности событий и явлений, да и всё, но… Но, честно говоря, как раз эта глубина меня и влекла к Беле.

«Познакомилась с нашим новым журналистом Соминым. Зашел в наш кабинет:

– Так это Вы Бела Эмильевна Тур? – Улыбнулся и почему-то взглянул удивлённо: – А я Лев Ильич Сомин.

– Лев Ильич Сомин… – повторила, приветливо взглянув и ответно улыбнувшись: – Так значит, аббревиатура Ваша ЛИС. – И помедлив, пошутила: – А можно… прямо с этого мгновения и буду звать Вас Лис?

– Ну, что ж, если Вам так нравится… – принял мою предложение с ходу и добавил: – Но тогда, и я буду величать Вас Бэт, идет?

– Идет.

И снова заулыбалась, обрадовавшись, что у этого нового журналиста есть чувство юмора… да и покладистый, а в нашей работе это многого стоит. И позже, разговаривая о нашей первой передаче, стали вглядываться друг в друга. Да, симпатичный, уверенный «товарищ», с достоинством, но, в то же время робость в глазах… и всё то же удивление. Почему?.. А когда после обеда монтировали киносюжеты, то все премудрости режиссерского ремесла схватывал на лету, и мне было приятно, – да и ему тоже, видела это! – обмениваться фразами, словами, взглядами. А на другой день, когда пришла к нему за сценарием, то вроде как растерялся, но тут же вспыхнула в глазах и радость. И было это в сентябре, а с ноября, у меня появилась ученическая тетрадь в клетку с пометкой: «Лис».

…Конечно, Лев Ильич умный, симпатичный, да и как журналист выше вех на голову. Думаю, что из него получится отличный ведущий. И как сложатся наши отношения? А сейчас, здороваясь, не скрываю своей симпатии к нему, и моё приветствие звучит так: «Здравствуйте, Лис!», с улыбочкой и протяжным «а», и он отвечает так же. Да, не скрываю своей симпатии к нему, и потому, что знаю: между нами ничего, кроме рабочих отношений быть не может, ведь я старше его, у меня двое детей, да и он женат.

…Сегодня монтировали с ним киносюжеты. Вначале всё было тихо-мирно, а потом заспорили. Хотела остановиться:

– Фу, ерунда какая-то! – И встала из-за стола: – Пусть по-Вашему будет.

– Нет, пусть будет так, как Вы… – он.

Но опять заспорили. Потом выяснилось: не знал, что на пульте план из киносюжета в квадратик ввести не получится, – не заложено такого в нашем спецэффекте.

– Фу! – он, с облегчением.

– Слава Богу! – улыбнулась и я.»

«Умный, симпатичный…» Да, таким Сомин и был: высок, спортивен, сероглаз, с правильными чертами лицами и негустой шевелюрой светлых волос. Но к тому времени передо

мной, как перед главным режиссером, прошло много «симпатичных», неглупых, и далеко не все могли вести передачи, а вот у него это получилось почти сразу, хотя и пришел из газеты, – уверенность в том, о чем говорит, явное чувство собственного достоинства, умение на лету схватывать «запросы» камер, микрофонов, студийной «кухни», – всё это Лев Ильич быстро, с лёту впитывал и умел применить «на практике».

«По письму ездили с Лисом в село Отрадное снимать сюжет о школе, – не работает отопление, дети в классах сидят, не раздеваясь. Первый снежок, солнце, морозец, деревья в инее!

– На меня благодать снисходит, когда вижу такое, – расплылась в улыбке.

– А на меня уже давно ничего не снисходит, – взглянул грустно.

В магазине покрутил в руках банку соленых огурцов, но не купил, а когда шли к школе, я предложила:

– Надо цветы, приморожденные в классах, отснять, выигрышно для сюжета будет.

– А я уже писал об этой школе в прошлом году, – не оторвал глаз от дороги. – И статью назвал: «Цветы в этой школе не растут».

…Монтировали сюжеты и опять шутливо сражались. А начал он:

– Старомодные у Вас, Бэт, музыкальные вкусы.

– А у вас… В сценарии фразу-то: «Мороз и солнце, день чудесный» у Пушкина украли?

Через минуту – он:

– Это хороший план.

– Нет, плохой, – я.

Через две:

– Я заставки для передачи сам написал, не то, что некоторые…

– Да уж куда нам… некоторым! (Что это с ним?) – Но показалось мало и добавила: – Что это у Вас в каждом журнале – по монолиту: в предыдущем пассажиры в автобусе в монолит слились, в этом – жидкость в стакане?

И взглянула: нет, не сдамся! Но всё же записывали журнал мирно, и просматривали вместе, а вот «дружного, сплоченного коллектива» между нами уже не было. А в конце просмотра – он:

– Это хорошо, что Вы здесь меня в кадре не дали.

Извиняется?

– Да уж… сообразила. Не совсем же я – «некоторая», как некоторые предполагают.

И глаза – в глаза… молча.

– Все. До свидания, – он.

– Пока. Не болейте, – не сдалась.»

А он и заболел. И выпускающая сказала, что у него с ногой что-то не так, – «Пацаны шайбой засветили и теперь время от времени возникают проблемы». Тогда было интересно: позвонит ли ему Бела, сменит ли свой «гнев на милость»?.. Нет, не сменила. И пришлось мне:

– Лев Ильич, как Ваша нога поживает?

И выразила соболезнование, порекомендовала лечить «Пантенолем», который был у меня, а в ответ услышала грустно-приглушенный голос:

– Да нет, спасибо. Я готов к тому, что ее отрежут по самое горло… хотя и дорога, как память.

И всё же договорились: если станет его «дорогой» хуже, то пришлет кого-либо за аэрозолем. Но не прислал, и через три дня вышел на работу.

«Все хотел передачу «Новости кино» взять себе и, наконец, добился этого, но ведущей сделал Инну Рубину, журналистку из газеты «Комсомолец», в которой раньше работал, хотя я

и говорила ему, что она – не для эфира: плохо смотрится, невнятно говорит. И сегодня подошел:

– Как Вам, Бэт, вчерашние «Новости кино»?

Посмотрела в глаза. Соврать?.. Нет, не буду.

– В общем-то… – И, помедлив, договорила: – Ведущая Ваша какая-то серая, зажатая… (Обиделся? Вроде бы нет.)

А когда монтировали журнал, попросил, чтобы на летучке, – как раз мне надо будет обозревать неделю, – не сказала об этом, а то, мол, станут на неё нападать.

– Лис, – взглянула с упреком, – мы в нашей социалистической жизни затурканы, а тут еще и на летучке надо будет говорить то, чего не думаю. (А вот теперь обиделся.)

И на другой день на монтаже сюжеты был молчалив, а к концу еще и бросил:

– Вы все здесь считаете себя очень умными.

– Лев Ильич, – усмехнулась, – но ведь, и Вы себя не обижаете?

– Нет, я мало еще работаю, чтобы…

– А когда «много» будет… то шо буить? – шутливо насторожилась.

И монтажница расхохоталась, а он подхватился и вылетел.

…На летучке сказала о «Новостях кино» то, что думала, но срезав острые углы, – почти похвалила и, может, вопреки тем, кто не стеснялся ругать слишком грубо и даже несправедливо: зачем Рубиной делать критический разбор фильмов?.. подумаешь, критик нашелся!.. надо ей поскромнее быть! Лис всё время сидел тихо, уткнув нос в воротник куртки, смотрел в пол, но после выкрика Носовой, – не имеет, мол, журналист права говорить «от собственного я!» – распрямился и негромко так, но четко сказал:

– Но если журналист не будет претендовать на какой-то анализ, а сидеть перед камерой и тянуть сопли…

– Как вы смеете так выражаться! – взвилась та. – Фу! А еще журналист!

Вот и получилось, что только мой начальник да я и поддержали журналиста Сомина. Оценит ли?»

В то время мне, как главному режиссеру, надо было находить дикторов, ведущих, следить за оформлением передач, поэтому приходилось в этих вопросах часто сталкиваться и с Сосиным. Надо сказать, что зачастую это было нелегко, – чувство собственного достоинства он охранял бдительно и перечить ему надо было с осторожностью, выбирая гибкие варианты. Как-то раз, когда его уже ждала съемочная машина, быстро подошел ко мне:

– Начальник хочет, чтобы я название «Прожектор» сменил… Ну, что б непременно было с именем нашего земляка Козьмы Пруткова[2], – хихикнул.

– Лев Ильич, а в принципе он прав, – не поддержала его юмора. – Ведь этого вымышленного героя можно использовать так, как заблагорассудится.

– Ну и что? Прямо так и назвать «Сатирический журнал Козьма»?

– Да нет, – улыбнулась: – Можно как-то по-другому. – Сгримасничал, а я выпалила первое попавшееся: – Ну допустим: «От Козьмы – с приветом».

Взглянул. Не ответил. Направился к машине, но обернулся:

– Не все ли равно какое, – бросил на ходу.

А через пару дней снова пожаловался: никак, мол, не отбрыкается от Сергея Васильевича с этим названием, и попросил, чтоб поддержала его, а я:

– Да назовите просто: «Клуб Козьмы Пруткова».

Помолчал, подумал:

[2] Козьма Прутков – литературная маска, под которой в журналахв «Современник», «Искра» выступали в 50—60-е годы XIX века поэты Алексей Толстой и братья Жемчужниковы.

– Да, есть в этом что-то.

И в лице промелькнуло выражение какой-то открытости и даже незащищенности, а мне подумалось: так что же в нём – истинное, а что – маска?

«Вечером позвонил мне домой и сообщил, что в «Родине» идет фильм «Голубые горы»[3]. Удивилась этому звонку и ответила, что уже посмотрела, а он только и спросил:

– Ну и как?..

– Очень понравился.

– Я рад этому.

И повесил трубку.

…Сегодня, когда записывала передачу с Носовой, пришел на пульт, присел рядом. Что это он?.. Смотрел на экраны, молчал. Когда молчание затянулось, то я, прикрыв ладонью микрофон тихой связи с операторами, спросила:

– Лис, это Вы «автор» затеи с косточками?

Ходят слухи, что он и монтажница уже несколько дней хлопочут, чтобы достать с мясокомбината кости… мяса, видите ли, на них много.

– Да-а… А что-о? – взглянул удивлённо.

– Да так… Не по себе как-то… – И всё же договорила: – Не по себе становится, когда журналисты согласны ловить кости, брошенные… с барского стола.

Снова – удивление:

– Но кушать-то, извините, хочется. – И хмыкнул: – Не хотите – не ловите.

– И не буду. – Помолчала, а потом: – Но дело не во мне. – И плотнее прикрыла ладонью микрофон: – Просто за Вас обидно.

Словно замер. И до конца записи – ни-и слова.»

Да, жила в Беле какая-то удивительная щепетильность в восприятии чужих поступков, которая часто ставила меня в тупик. И только читая её дневники, я поняла, что именно это в ней мне и нравилось, привлекало, заставляя по-новому переосмысливать вроде бы уже привычное, само собой разумеющееся. Вот и тогда казалось: ну и хорошо, что Сомин хлопочет о косточках, супчик наваристый сварим, а она…

«Лис шёл мне навстречу по двору. Приостановилась:

– Лис, завтра у меня отгул, может, что-то надо для «Клуба»?

Нет, ничего не надо. Потом взглянул при-истально так:

– Но завтра, между прочим, косточки привезут… те самые.

– Нет, Лис, ловить их не стану, так что… – и улыбнулась: – Так что радуйтесь, Вам больше достанется.

– Зря-зря Вы, Бэт, – не оторвал глаз, но улыбкой не ответил: – Навар-то от них хо-ороший.

– Ну что ж, не наваром единым… – снова улыбнулась и пошла дальше.»

Хочу напомнить: действие повести разворачивается во времена начинающейся Перестройки[4], когда социалистическая система рушилась и пустели полки магазинов, так что разногласия моих героев из-за отношения к косточкам истинное.

---

[3] Голубые горы» – комедийный художественный фильм, снятый на киностудии «Грузия-фильм» в 1984 году по мотивам рассказа Резо Чейшвили.

[4] Перестройка – масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР во второй половине 1980-х годов.

«Вчера записывали с Лисом первый «Клуб Козьмы Пруткова». Ассистенты не успевали вовремя снимать заставки, сбивался синхрон, ошибалась и я на переключениях… В общем, писали долго, но не мучительно, и Лис был терпелив, остроумен. Потом спустилась в свой кабинет, попила чайку, подкрасила губы и пошла на просмотр записанного. Сидели рядышком, обменивались репликами, а в конце спросила:

– Ну и как, получился у нас журнал на Ваш требовательный вкус?

– Ничего пока не могу сказать. Надо вначале остыть.

– Ну, хорошо, остывайте, а я пошла домой.

Но на остановке встретились, сели в троллейбус, снова сидели рядом, обсуждали сделанное, пытались еще что-то придумать, а я… А во мне металось и металось чувство какой-то неуверенности в себе… или раздвоенности? Неприятное ощущение. И, наверное, поэтому, когда он засобирался выходить, спросила:

– А может, попробуете работать с другим режиссером?

– Нет уж…

И резко встал.

– Думаете, что из трех зол… трёх режиссеров выбрали меньшее? – улыбнулась снизу, польщенная.

А он только взглянул… вернее, взглянул и вышел. И странно! Вместе с ним ушло то, неприятное чувство.

…Иногда вижу его в курилке в компании тех, кто меня недолюбливает. Нет, не верю, что ему интересно с ними. Наверное, просто приручает их, чтобы не вякали против него на летучках, но… Но неужели есть в нём то, что и в них – желание утвердиться, жертвуя лучшим в себе?»

Было, было в Сомине такое. Ведь даже на меня пытался действовать своей подавляющей аурой, а уж на более слабых… Так что довольно скоро и я стала замечать, что начал сбивать вокруг себя кружок тех, кто почти не сопротивлялся. Для чего это было ему нужно? Тогда не знала, и только позже… Как-то подошел ко мне, спросил:

– Ну и как Вам, как главному режиссеру, Инна Рубина? Тоже не нравится?

– Тоже… – И взглянула с лёгким вызовом, зная, что она не нравится и Беле, а он вздохнул и опустил глаза. Тогда смягчилась: – Лев Ильич, Инна говорит умно, но какая-то она экзальтированная… и не сразу выкарабкивается на то, что хочет сказать, а это для ведущей плохо.

– Но она же лучше всех наших журналистов!

– Лучше наших быть не сложно, – только и ответила.

И он обиделся, – на летучке молчал, когда нападали на первый выпуск «Клуба Козьмы Пруткова», сделанный месте с Белой, поэтому пришлось их защищать:

– Обращаюсь к тем, кто тоже захочет высказаться: если будете выплескивать только эмоции… нравится-не нравится, плохо-хорошо, то такой разбор считаю не профессиональным.

И после этого уже никто не выступал, а директор радио-телецентра встал и сказал:

– Журнал, сделанный Соминым и Тур, на фоне всех наших передач – явление, причем, за весь прошедший год.

И «Клуб Козьмы» отметили, а он… Когда летучка закончилась, сразу встал и вышел. Но подбежала ко мне Бела и по её взгляду я поняла: рада, что защитила их.

«Я – в студии, и готовлюсь к репетиции передачи Носовой «Солдатами не рождаются». Входит Лис, садится у двери, а я как раз пробегаю мимо, но приостанавливаюсь:

– Что?.. – тихо бросаю.

– Так… – И взглянул робко: – Хочу просто посидеть с Вами за пультом, разрешите?

– Пожалуйста, – дернула плечом. (Лис, я рада.) Но ответила буднично: – Едва ли «солдаты» будут Вам интересны.

И сидел на пульте рядом, молчал. А после записи спустилась в кабинет, вынула из сумочки бутерброд, термос и… Вошел, присел напротив, а я:

– Хотите чайку?

– Нет, я только что пообедал.

– Ну, тогда я пойду… – кивнула на дверь, – перекушу. (Лис, не могу есть при Вас).

Ничего не ответил… а когда возвратилась, услышала:

– А-а, я тут сидел, ждал Вас, ждал!.. – И вскочил со стула: – А Вы всё обедали и обедали!

И вылетел. Что это он?»

Тогда я не знала, что Бела уже ведёт записи… А, впрочем, если б и знала, разве решилась бы советовать, как это делать, хотя опыт у меня был многолетний, – в 14 лет написала первые строчки. А занятие это тонкое, и каждый делает по-своему, вот и она… Ведь не только «фиксировала» тот или иной эпизод их отношений, но писала и о том, что думала или мог думать Лис, заключая эти фразы в скобки, иногда и не к месту, но я оставляю их там, где она посчитала нужным. И молодец, что так делала. Как же помогли мне эти её короткие «реплики» в раскрытии и её характера, и Сомина.

«Знаю, что он только что вернулся из командировки, поэтому звоню:

– С приездом… – И сходу ошарашиваю: – А я предаю Вас.

– Каким образом?

– Ухожу в отпуск и уезжаю в Крым, так что Вы с «Козьмой» остаетесь сиротами.

– Как это?.. – И повисает пауза. Потом слышу вздох: – Я сейчас приду к Вам.

И пришел… раздраженно-расстроенный:

– А как же с записью оркестра? (Жалкий какой!)

И сидим теперь в солнечно-зеленом от зеленых кресел холле, и я уже советую с кем писать, как писать, но вдруг слышу:

– И так третий день тошно, а тут еще и Вы…

– Ничего, Лис, пройдет. Справитесь. (Но как же хочется приобнять его, провести ладонью по волосам!)

Потом зачем-то пришел и на пульт, когда писала передачу Яриной, и проворчал раздраженно:

– И наполовину не используем пульт, чтоб интересней передачи делать.

Захотелось приободрить: Лис, дорогой мой Лис, да встряхнитесь же! Но только и процитировала Сергея Васильевича:

– «Нам надо план выполнять, а не отвлекаться на штучки-дрючки».

Но он даже не улыбнулся. Сидел рядом, молчал… потом встал, ушел.»

Когда Бела уехала в отпуск, то с Соминым пришлось работать мне, и из моих нечастых записей о нём (В основном писала о детях и муже, который в те бурные годы активно включился в борьбу с местными партийными начальниками), к месту придётся вот эта, весьма ярко дополняющая портрет моего героя:

«Вдруг его голова появилась в щели приоткрытой двери:

– У меня к вам конфиденциальный разговор. – Вышли в холл, сели в зеленые кресла: – Хочу, чтобы худсовет собрался по передачам о кино с Рубиной и решил: быть ей ведущей или не быть?

И еще: буду ли я защищать её или нет? Не сдержалась, напомнила, что, мол, я тоже, как и Бела, «еще в самом начале»… и посоветовала:

– Да отведите вы ей роль интервьюера. Ведь журналисту делать это проще, чем оставаться с глазу на глаз с камерой.

– Нет, – бросил упрямо. – Посидел, помолчал: – Ну, хотя бы скажите, как председатель худсовета, что она не хуже других, и что по сравнению с ней Мохеева совсем плоха.

– Мохеева – не критерий.

– Ну, всё равно скажите.

– Не обещаю.

– Я вас уважать перестану.

– Это – Ваше право.

– Тогда имейте в виду, если её не утвердят, я уволюсь.

– И всё равно не обещаю. – Помолчала, взглянула: – Кстати, если уволитесь, думаете кто-то плакать будет?

– Я не пугаю.

– Вот и не пугайте, – встала и ушла.

И на худсовете сказала:

– Да, такая передача нужна, но Рубиной не надо выступать в роли ведущей, лучше пусть диктор озвучивает сюжеты о работе наших кинотеатров и клубов, а ей надо интервьюировать приглашенных, у неё это неплохо получается.

Но остальные выступили против, и тогда Сомин вскочил:

– Но она не хуже других ведущих, даже лучше!

– Назовите, кто из ведущих так уж плох? – взглянул на него Сергей Васильевич. – Соберемся, обсудим…

Смотрю на Льва Ильича и жду: скажет ли то, что говорил мне?.. Нет, не сказал».

Было это незадолго до возвращения Белы и я, еще не остыв от промелькнувшей тени разочарования в Сомине, сразу всё ей и рассказала, хотя… Может, не надо было этого делать? Ведь я уже подразумевала о её чувстве к нему.

«Возвратившись из Крыма, еще два дня оставалась дома, но вдруг позвонил Лис: когда приехали?.. как отдохнули?.. ну, я же говорил, что погода будет плохая! И дальше о том, что записал следующий «Клуб Козьмы» так же, как и первый, что ничего нового не придумали и аж вчетвером сидели за пультом, а перед тем, как повесить трубку, услышала робкое:

– И когда?.. выходите… на работу? (Ну да, да, он соскучился, он ждет меня!)

И уже через день монтировали с ним сюжеты. Был подавлен, мрачен, – жалок! А к концу монтажа бросил:

– Всё надоело!

Как, чем встряхнуть? Может, «клин – клином»? И когда монтажница делала последние склейки, весело защебетала:

– Лис, видела сегодня сон. Будто хожу по кладбищу и ищу место для могилы… для своей могилы, а они уже готовенькими стоят, в песочке, словно ждут… но я всё привередничаю: нет, не там… не тут… не здесь… и опять: нет, не та, не эта… Просто кошмар какой-то!

А он:

– Для себя, значит, искали? – И стал еще мрачнее: – А для меня? – И уставился в пол, будто отыскивая могилу, но тут же взгляд – в потолок: – Повеситься что ли?

Да с таким смешком зловещим!.. Но сюжеты монтировали, и когда я предложила:

– Просмотрим?

Почти пропел:

– Нет, не хочу… Не буду. Не-мо-гу!

Но домой не ушел, болтал с Наташкой о том, что в продаже нет водки, а я стояла у двери, смотрела на него и почему-то думалось: он, как тот уголёк на воде… еще живой, шипящий уголёк, хотя и с потемневшими краями.»

Почти такое же ощущение было и у меня, когда наблюдала за ним. Конечно, Лев Ильич выделялся среди наших журналистов тем, что был гораздо сложнее их, и эта сложность нравилась мне, а уж, когда поняла, что это же привлекает и Белу, то «вслушиваться в их дуэт» стало неким каждодневным увлекательным хобби, с которым на работе было гораздо интересней.

«Встретились во дворе и я, вспомнив, что говорила Галина, спросила его:

– Лев Ильич, – и поймала взгляд, – почему же Вы на худсовете так и не сказали, что Мохеева хуже Рубиной?

– Что я… лиходей себе, чтобы о главном редакторе и – такое? – ответил запросто.

Взглянула:

– Эх Вы…

И, махнув рукой, пошла дальше. А ближе к вечеру он приоткрыл дверь:

– Завтра до обеда не приду. (Значит обиделся.)

– А, пообедав? – улыбнулась, не взглянув.

– Не знаю. Может, и совсем не буду.

– Да вы что? – всё же взглянула: – Когда ж мы сюжеты монтировать будем?

Но на другой день пришел еще до обеда, но в глаза не смотрит (Ну да, обиделся.), и уже делает начитку к сюжету, а я:

– Лев Ильич, в слове ржавеет ударение на «а», – подсказываю ти-ихо так. (Ну что Вы, Лис?)

– А я так привык и исправлять не буду.

Куражится? Или просто между нами проскользнуло то самое квипрокво, о котором, упростив его до простого недоразумения, любил поминать мой давнишний начальник? А через минуту, когда просматривает смонтированную мною немую пленку, фыркает:

– Ха! И где это вы такой кран откопали? (Улыбнуться? Смягчить его «ожесточившееся сердце»?)

И улыбаюсь:

– В снятой Вашим оператором кинопленке.

Но не тут-то было! Уже через две минуты:

– Почему льющуюся воду не туда вставили? Мы же не для этого её снимали. (Ах, так?..)

И тогда – уже без улыбки:

– Вот будете следующего «Козьму» монтировать без меня, так и лейте вашу воду, куда захотите. (Получил?)

Пока замолчал. Ну, что ж, отпущу натянувшуюся струну и, полушутя, возмущаюсь:

– Наташ, а кто это товарища Сталина[5] в угол повесил?.. вместо иконы что ль? Вроде бы там его не висело.

– Висел, – он, мрачно. – Это Вы не замечали. – Помедлил, буркнул: – Потому не замечали, что Вам всё безразлично.

Я вскинула брови, ничего не ответила, но улыбнулась… Ведь ему улыбнулась: да что с Вами, Лис? Неприятно, что «ткнула носом»?

[5] Иосиф Сталин (1978—1953) – с середины 1920-х и до своей смерти в 1953 году единолично руководил Советским государством.

Да и сегодня на записи журнала был ершист, упрям и даже отказался помочь операторам втаскивать кубы в студию для оформления интерьера к своей же передаче – делайте, мол, сами! – и пока операторы кувыркали эти кубы, в холле смотрел мультики, а когда закончили, услышала:

– И на репетиции больше ходить не буду. (Расколыхалось море!)

– И правильно сделаете, – согласилась шутливо, но…

(Договорить: обойдемся, мол, и без обидчивых психов?) Но нет, не сказала. А вечером подошел:

– Бела Эмильевна, – и смотрит отчуждённо: – Надо отвезти в театр костюмы, которые мы брали для передачи, но ассистенты в отгулах, так что придётся Вам…

А раньше сделал бы это сам!.. Смотрит, не отводит глаз и в них вроде бы вопрос: «Не обиделись?» Подумаешь! С какой стати? И киваю головой, проплываю мимо. А чуть позже вошел в кабинет:

– Отметить надо, где в кадре буду.

Диктую и смотрю прямо в глаза (Вы для меня сегодня, как все.)

– Да, вот еще что, Лев Ильич, сделайте начитку афоризмов для «Прожектора».

– Сделаю, – и взглянул (Жаль, что «как все»).

– И прохронометрируйте их, пожалуйста.

– Хорошо.

А в одиннадцать началась у нас с ним долгая запись журнала… аж до четырех. И был терпелив, сдержан, – не перечил. Что с ним? А когда кончили и я еще сидела за пультом, прислал ассистентом записку с хронометражем афоризмов: «Первый – девять минут, второй – тринадцать, третий – пятнадцать, четвертый – тринадцать.» И в скобках: «Как раз – о нашем случае.»

Говорила ли мне Бела о своей разгорающейся увлеченности? Да, но не сразу. (Может, потому, что сама вначале не понимала этого?). И не сказать, что разговоры те были откровенными, поэтому теперь надеюсь на то, что моя память и одинаковость (во многом) нашего с ней мирочувствия, подскажут нужные смыслы и слова.

«И всё же весна!.. А я сижу в темной монтажной, делаю сюжеты и сейчас, пока Наташа их перематывает на бобину, смотрю на цветы в вазочке, принесенные ею, – ну, прямо Аленькие цветочки! – и вдруг слышу:

– И на что это Вы смотрите?

Вздрогнула, обернулась. Лис!

– Да вот… – и киваю на цветы.

Но входит Жучков, Лис расспрашивает его о командировке и, опершись на монтажную корзину, стоит, поглядывая на меня, а она скрипит, скрипит. (Лис, ну пожалуйста, не надо скрипеть!) И словно услышал!.. уходит. Да и мне пора. Иду к троллейбусу по тропинке вдоль акаций, а он, оказывается, еще не уехал и стоит с моей ассистенткой на остановке. Нет, не подойду к ним, буду ждать здесь, под деревьями… Когда в троллейбусе сяду позади них, обернется, спросит:

– Почему всегда не на остановке ждете?

– Да так… – улыбнусь: – Под деревьями суеты нет.

Обернётся и Татьяна:

– Да, Бела Эмильевна любит одиночество.

Когда выхожу, желая им всего доброго, то, оказывается, выходят и они… и уже идут чуть впереди. Что, вот так и идти?.. следом. Жарко. Снимаю пиджак. Да, патология в природе: ведь

только-только разворачиваются листочки, а уже жара… Я иду вослед за ними, они идут… я иду… Аномалия и во мне?»

Да, Бела боялась увлечься. И я уловила это сразу, как только она стала мне приоткрываться, но я не отговаривала её и, может, потому, что пряталось неуёмное желание проследить развитие её чувства… как делала это и в отношении других, провоцируя к очередному поступку. И такое во мне жило всегда, но тогда, без всякой задней мысли, я подсунула ей повесть Воробьёва[6] *«Тетка Егориха», – просто хотелось узнать её мнение, – и оказалось, что в дневнике сохранилась такая запись:*

«Едем машиной на съемки по письму, – «Не ремонтируют дороги, осенью пройти невозможно.», – я сижу на переднем сиденье и на смотровом стекле для оператора, который вместе с Лисом сидит за моей спиной, пальцем черчу экран, объясняя ему, как надо снимать, чтобы кинопленка вписалась на спецэффекте в квадратик, и оборачиваюсь, спрашивая его: понял ли? Гена что-то переспрашивает, а рядом Лис смотрит на меня с улыбочкой.

– Что вы так на меня смотрите? – улыбнулась и я.

Тряхнул головой и рукой вроде как смахнул улыбку. Оператор засмеялся, а он – уже без улыбки:

– Грех Вам, Бела Эмильевна, обвинять меня в трусости, ведь только я и делаю критические сюжеты.

– Вот поэтому и прощаю Вам всё. (Зна-ает о чем я!)

И уже говорит Гене:

– Будто у моего режиссера есть что прощать!

Но приехали, делаем съемки. Гена ходит вокруг лужи, прицеливаясь к кошке, которую хозяйка по моей просьбе бросает в неё, и та по брюхо топнет в грязи, а потом идем в магазин, у столовой жуем по коржику и пока Лис с оператором пишет последний синхрон, сижу в машине и читаю, а вернее, дочитываю «Тетку Егориху». Но уже подходят, Гена укладывает камеру, а у меня как раз – последние строчки и… слезы. Прячусь за машину, – не заметили б! – поворачиваюсь лицом к ветру, – может, осушит? – и отвлекаю, утешаю себя: вон, школьники сидят вокруг бурта, картошку перебирают… глубоко вдыхаю, выдыхаю… и куртки у них пестрые, яркие, бурт – словно клумба. Но слезы с ресниц ни-икак не скатываются!.. и не обсыхают, и утереть их нельзя… не хочу, чтоб Лис увидел! А он уже подходит:

– Всё, поехали…

Заметил ли? Но до города – ни-и слова. А когда приехали и вышли из машины, услышала:

– Ну… Бет, Вам налево, мне направо… – И смотрит, и говорит тихо: – До свидания, Бет.

И я смотрю ему в глаза (Видите, уже нет слез.)

– Всего доброго, Лис…

И уже иду в незнакомый двор среди девятиэтажек… Да нет, не двор это, а пустырь, и только в центре – качели, лесенка, лавочка. Сажусь, но опять – слезы! А вокруг – сотни окон, и все смотрят на меня!.. Слезы, пожалуйста, не надо!.. Но сползают по щекам, капают. Украдкой утираю… чтоб окна не видели, чтоб люди… и когда они проходят слева – отворачиваюсь вправо, когда справа… а если и с той, и с дугой стороны, – а, пусть видят. Но заскрипели еще и качели под малышом… Уйти? И ухожу к незнакомым проулкам…

А слезы так и не вылились, а просто затаились. И только ли виной – «Тётка Егориха?»

[6] Константин Воробьёв (1919—1975) – писатель, яркий представитель «лейтенантской прозы». Повесть «Тетка Егориха» (1943).

Она сомневалась… А я – нет, ибо видела, что были бы они отличной парой, если бы… И даже иногда в шутку подталкивала её к Сомину:

– Слушай, а, может он разведется с женой. Ведь не любит её, а значит…

И рассказала ей такой случай:

– Как-то сижу в монтажной, жду, когда Наташа смотает сюжеты на бобину и вдруг слышу: «Есть хочу. – Вошел Сомин, потирая руки, и добавил: – Вот сейчас приду домой и как приготовлю себе что-нибудь вкусненькое!» Удивилась: «Что, сами готовите?» А он… и с такой злостью: «А кто ж? Моя сволочь…» При чужих-то людях и так… о жене! Ну и сказала ему это, а он: «А как о ней? Вчера шорты сыну сам штопал… да и носки никогда ему не зашьет, „Новые купи“! – передразнил. – А-а, все с женами так живут». И махнув рукой, вышел.

Рассказала это Беле, и услышала: «Может, он плохо живёт с женой… – И с грустью посмотрела на меня: – Но о чем ты говоришь? Разве может быть между нами что-то, кроме… Во-первых, я старше его, а во-вторых, еще – и дети. Ну, зачем я ему… такая? Так что никаких „значит“ быть не может.» И после этого разговора я не говорила ей ничего подобного, – в таких делах советы неуместны, – но видела, чувствовала, что в моей подруге день ото дня что-то меняется и словно глубинно начинает в ней звучать тонкая струна.

«Сегодня, на монтаже говорю ему:

– Вы не написали подходящей реплики, чтобы я смогла вставить в сюжет кошек, зачем тогда их снимали?

Он:

– Вставьте под эту фразу: «Даже человек без фантазии может себе представить, что делается здесь в затяжные дожди».

Я:

– Под это – плохо. Причем здесь кошки? Лучше – сюда.

И опять спорим… Наконец он, тихо:

– Бет, о какой ерунде… мы… (Взглянул-то как! И впрямь…)

Потом уходит торговать сосисками, которые привезла член профкома Сергеева, а я остаюсь монтировать. Нет! Всё сегодня нелепо, всё не клеится! Но через какое-то время приходит:

– Смонтировали?

– Нет. И больше не буду. (Лис, не могу сегодня!)

– Но Бет, всех не оплачешь. – (Лис, дорогой мой Лис, да не о том я!) – Я из командировки автобусом ехал, рядом мужик сел с семилетним мальчиком, а тот по дороге р-раз!.. и умер. (Нет, не понял.)

И всё же улыбнулась:

– Лис, Вы – это Вы, а я… – и отвернулась. И вышла. Но возвратилась: – А сюжет я смонтирую завтра, так что не волнуйтесь. (Жаль, что не понял). – Постоял. Попробовал пошутить. – Да не надо, – отмахнулась.

…Сегодня привел на запись передачи сына:

– Может быть, – наклонился к нему и показал на пульт, – Белла Эмильевна разрешит тебе кнопочки понажимать? – взглянул почти робко.

А у меня как раз голова болит, болит!.. никого бы не видеть, не слышать! И даже его. Но снова поднимается на пульт:

– Вот фотографии архивные… показать бы в эфире.

– Хорошо, покажу. Передайте ассистенту.

Уходит, а я разрешаю Саше «понажимать кнопочки»:

– Смотри во-он на тот монитор, там сейчас твой папа появится.

И нажимает кнопочки… аккуратненький, красивый мальчик, его сын.»

Сложная ситуация складывалась у Белы, – двое детей, а тут появляется талантливый и симпатичный журналист, в котором она видела… а, может, только хотела видеть то, чего в своё время недоставало в муже. Да, было в моей подруге такое же, что и во мне, – неугасающее желание высматривать в тех, кто оказывался рядом, лучики света, которые, проникая в душу, помогали бы отыскивать то, что приподнимало над буднями жизни.

«Вчера на троллейбусной остановке Лис подошел ко мне, а лицо… Лицо его светилось тем светом, который… Но, вопреки этому сиянию (Испугалась?) сказала скучно:

– Давайте сделаем «Прямой провод» и впрямь прямым. (Нашла, о чем заговорить!) И пусть начальники сами принимают вопросы.

– Нет, не захотят, я их знаю. (Бет, не надо сейчас о начальниках!)

Но подошла «четверка», вошли, сели, а я опять:

– Ну, тогда в холле поставим параллельный телефон, чтобы зритель видел: ассистенты вопросы принимают в прямом эфире. (Зачем ерунду несу?)

– Нет, зрителю всё равно, прямой ли эфир, кривой…

И говорит уже так громко, что женщины, сидящие впереди, оглядываются, а я:

– Не думайте так о зрителях, – сказала тихо, подавая пример, но он все так же:

– Зрителю просто надо слышать ответ на свой вопрос.

– Не кричите, Лев Ильич, а то уже весь троллейбус нас слушает.

А он – всё так же:

– Да и начальники… Им бы лишь отметиться в «Прямом проводе».

И встал, чтоб выходить, взглянул с упрёком:

– Прощайте, Бет!

Почему «прощайте»?

…Знаю, слышу: до его эфира еще два часа, и он слоняется по коридору, пощелкивая пальцами. Вызывает? Значит, не совсем простился. Но не выйду. Сам придет… И входит:

– Что же это Вы, Бет, вчера так и не отоварились? Чай индийский привозили, горошек зеленый, конфеты, голубцы в банках.

– Да вот… Ждала-ждала, когда очередь рассосется, а она…

Мои коллеги притихли, слушают:

– Зря-зря, – остановился возле моего стола, поправил расползшиеся сценарные листки.

– Да ладно, Лев Ильич, – не взглянув, прижала листки рукой, – что было, то прошло… фик с ними, с голубцами, которые в банках. (Нет, не взгляну на Вас, не хочу, чтоб коллеги…) – Но всё ж взглянула коротко: – Что у Вас сегодня? Будете отвечать на вопросы любимых телезрителей?

– Да, ответим… любимым…

Постоял, еще раз подровнял листки (Пальцы-то у него какие длинные!) и, не дождавшись еще одного моего взгляда, нерешительно вышел.

Потом вместе дежурили на пульте, – если Москва начнет футбол, то «бросим» в эфир объявление, что наших передач не будет. Но футбола не было, так что он «отвечал любимым», я «выдавала» новости, а после эфира вместе шли к троллейбусу по подсохшей тропинке вдоль оживающих акаций.

– Лис, – обернулась к нему, – а ведь весна!

– Нет, осень, – не оторвал глаз от тропинки.

– Да взгляните вон на то поле… через дорогу, озими-то как заизумрудились!

– Нет, все равно осень.

– Это в Вашей душе, а не…

– Да, в душе.

Как раз подъехала его «единица», прыгнул в нее:

– До свидания, Бет!

– Всего доброго, Лис!

…Вместе ехали и сегодня. Стояли на задней площадке, притиснутые к окну, и я через забрызганные стекла всё смотрела на лужи, выпархивающие из-под колёс машин, на последние ошмётки снега, – ведь уже во всю резвилась весна! – а еще на уплывающие дома, в окнах которых металось отражённое солнце, на мётлы черных лип, обрезанные ветви которых отчаянно тянулись в небо, и тут ненароком набрела на слово «счастье»:

– Мопассан писал, – сказала, прикрыв глаза от солнца, сверкнувшего из лужи, – что при всей своей славе и деньгах, был счастлив только минут пятнадцать.

– Е-рун-да! – словно отрезал. – Счастья вообще нет. Одна физиология.

– А если, к примеру, – засопротивлялась, – художник всю жизнь мечтал написать что-то такое и наконец…

– И это физиология, – обрезал мой финал.

– А чувство матери, – не унялась, – когда вдруг входит сын живым, хотя уже и не надеялась…

– Тоже физиология.

И всё это – громко, с вызовом, в набитом троллейбусе! (Да что с Вами, Лис?)

А выходя, бросил:

– Будьте счастливы, Бет!

И я, зажатая в угол чьими-то спинами, улыбнулась:

– Постараюсь.»

Из моих дневников:

«Смотрела в аппаратной, как записывали передачу Льва Ильича «Экран», и на этот раз вела ее не Рубина, а он сам. Как же всё не интересно, серо, – просто представлял рекламные ролики фильмов. Вышла во двор, присела на нашу «завалинку» погреться на солнышке. А вот и он. Подошел, сел рядом. Подумалось, интересно, а что ответит, если скажу ему о своём впечатлении… и стоит ли говорить? Но всё же спросила:

– Лев Ильич, зачем Вам нужна эта дешевка? – Взглянул удивленно. – Ну… «Экран» этот. – Не надо бы Вам… серьезному, умному журналисту вести такое.

Помолчал. Опустил голову.

– Да я только два выпуска проведу, Афронов так посоветовал, а потом отдам Рубиной, ведь она отлично провела интервью с Мироновым, да?

– Неплохо… А Вам надо бы придумать какую-либо интересную передачу, чтобы люди знали…

– «Люди знали»… – перебил огорченно и встал: – Вы же понимаете, что людям многое знать не положено, да и начальство наше…

И встал, махнул рукой, зашагал к корпусу».

И Сомин был прав. В те социалистические времена начальство только и было озабочено, как бы не пропустить идеологического «вывиха» журналистов и не рассердить Обком, не навлечь на себя… А, впрочем, отвлеклась я, и снова – к запискам Белы.

«Подхожу к корпусу, открываю дверь. Да, стоит в курилке с операторами. Теперь он часто вот так… Встречает? (Подойти бы, сунуть руки под его куртку-дублёнку, прижаться щекой к лохматому свитеру!) Но прошмыгиваю мимо, бросив всем «здрасьте», от которого и ему – «кусочек».

А после обеда, когда поднималась в аппаратную, окликнул:

– Бэт, разрешите узнать! – Остановилась. – Если на спецэффекте делать стоп-кадр, то после него обязательно нужен ракорд на семь-восемь секунд? (А в глазах-то – совсем другое!)

Объясняю. Нет, не понимает. (Хочет просто побыть рядом?) И опять говорю, а он смотрит с полуулыбкой:

– Пожалуйста, еще раз.

– Лис, у меня через две минуты эфир (Да рада я Вам, рада!) и поэтому в последний раз популярно объясняю: восемь секунд нужны для того, чтобы дать команду на включение синхрона, что ж тут непонятного?

– Все. Понял, – словно точку поставил.

А я уже иду в аппаратную… а он остается там, на ступеньке, и знаю!.. смотрит вослед.

…Записывали кадры к журналу, «воплощая» мои идеи и был послушен, даже робок, так что всё получилось отлично. Потом вместе торопились к Комитетскому автобусу, – ждали только нас, – стояли рядом, говорили о том, что получилось, что – нет и никого не замечали, а когда шофер вдруг притормозил и меня бросило прямо на него, то я, схватив его за плечо, вскрикнула:

– Ой, держите меня!

И он покраснел!

…Заходит в наш кабинет часто и тогда выходим в холл, садимся рядышком в зеленые кресла, и «ведём творческие беседы», вот и сегодня… Советую записать с ПТВС цикл передач: «Диалоги с улиц».

– Да, хорошая идея, – не отрывает глаз от моих рук.

А в них – карандаш, я поигрываю им.

– А еще можно сделать выездной «Прямой провод» из села, – не унимаюсь. – Да, он опять согласен… и всё так же смотрит на руки. – А если пригласить еще и ученых из сельхозинститута, – разыгрывается моя фантазия, – чтобы советы давали… (Да что ж он прилип к моим рукам?)

И прячу их подмышки. Тогда вдруг встаёт и уходит. Что это было?»

Да знала, знала Бела, «что это было»! Но то ли не хотела верить, то ли боялась… Да и мне всего не говорила, если иногда и спрашивала: как он – к тебе?.. а ты к нему? А, впрочем, если бы и рассказывала? Ведь тот сложный клубок из разноцветных нитей, который наматывался вокруг её сердца, размотать мне было бы не под силу, – все нити уже переплелись, и ей предстояло жить с ним, не ожидая советов.

«Лис был на встрече с актёром Янковским и рассказал, что тот говорил:

– Мережко написал сценарий фильма «Полеты во сне и наяву»[7]о себе и отдал режиссеру Балаяну, тот почитал и говорит: «Да нет, это не о себе ты написал, а обо мне», и отдал Янковскому, это, мол, о нас с Мережко, а тот: «Это – не о вас, а обо мне». – Помолчал, а потом добавил: – Ну вот… А я посмотрел фильм и понял: обо мне он.

А фильм отличный. Последний эпизод: сырой, туманный луг, копны сена, ребятишки меж них катят на велосипедах, а герой фильма с пучком соломы… как с потухшим факелом бежит впереди них, а потом оседает у стожка, сворачивается калачиком, наскребает на себя шмотья сена…

Да, в Лисе проскальзывает такое же.

…У меня – ранние «Новости», поэтому с обеда возвращаюсь комитетским автобусом и сижу, читаю, но… Жаль, что так быстро приехали. И уже выхожу, а на проходных сторож

[7] *«Полёты во сне и наяву» – художественный фильм режиссера Романа Балаяна о кризисе среднего возраста. Главную роль исполняет Олег Янковский.

радует: продукты, мол, привезли, идите получать. И впрямь, торгуют профгруппорг Сергеева, монтажница Наташа и Лис… Знаю, сам напросился в помощники, чтобы продуктов больше перепало. Ладно, прощу ему и это… А он сидит в углу, жует бутерброд с колбасой и лицо у него серое… как газетный лист. Как же ему там тошно! А Сергеева уже взвешивает мне несколько окуньков, полкило колбасы и теперь высчитывает сдачу, но отвлекается. Стою, жду. Сзади шумит очередь, а она всё считает, считает… уже и ругается с кем-то! И вдруг слышу:

– Бела Эмильевна, – он! – да уходите же Вы!

Ну да, ему тоскливо там!.. тоскливо среди этих банок, рыбин, колбас и не хочет, чтобы видела таким…

– Рада бы, – уже не смотрю на него: – да меня Инна Сергеевна не отпускает.

Но та уже сует мне сдачу. Беру пакет с окуньками, колбасу, поворачиваюсь…

– Бела Эмильевна, – опять он, – а майонез? – И протягивает баночку… и смотрит в пол, а у меня руки заняты:

– Ставьте сюда, – подставляю книгу: – А, впрочем, – отдергиваю томик, – лучше сюда, на куртку.

И майонез повисает в воздухе… А за его спиной, на подоконнике и столах – батоны колбасы, обрезки колбасы… а за его спиной, прямо на полу, на мокрых газетах синюшные окуньки с отчаянным предсмертным взглядом выпученных глаз и открытыми в последнем вздохе ртами… Не хочу-у!

Не хочу и я хотя бы на минуту возвращаться в те времена, но… Ах, как же было обидно!.. да и теперь еще жива в душе та обида, что унижали нас тогда, – плохо кормили, плохо одевали и заставляли жить под неусыпным оком «ведущей и направляющей»… Но всё, всё! Больше не буду возвращаться в ту эпоху, а только – за Белой и Лисом.

«Теперь часто бывает так: он приоткрывает дверь, заглядывает:

– Покурим?

И идем «курить»: «У меня идея» – он. «У меня тоже» – я. И стоим, обсуждаем, прислонившись: он – к батарее, я – к косяку двери. А возле нас – туда, сюда! – шмыгают, приостанавливаются, прислушиваются коллеги. Он курит и, если морщусь, разгоняет дым рукой, а когда рядом останавливается (как сегодня) Мохеева, с улыбочкой поглядывая то на него, то на меня, говорит:

– Вот, пожалуй, и всё… (Не надо нам… при ней…)

– Ага, – я (Да, Лис, да.).

И расходимся.

…Летучка. Он сидит напротив меня и лицо у него светится! Таким еще не видела. Но вдруг Сергей Васильевич спрашивает меня:

– Бела Эмильевна, Вы работаете с Соминым, так и скажите нам: чего не хватает Льву Ильичу, как ведущему?

Смотрю на Лиса. Сказать или не сказать? Ведь если скажу, то погашу этот удивительный свет.

– Да я уже ему говорила, – хочу ускользнуть от ответа, – так зачем же и здесь…

И вдруг Лис:

– Говорили? Мне? – И свет почти гаснет. – Вы только и сказали, что все нормально и никаких замечаний нет. (Чего испугался-то?)

И эта его боязнь почему-то подхлестывает меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.